

РАССКАЗЫ

КАСТРЮЛЯ

Из заставленного коробками коридора выбежал дед Петя. Бежать так, как бежал он в свои восемьдесят девять, не каждый может. Торопился дед Петя к своему соседу Леше.

Зашел через калитку, разогнал палкой кур с утками и ею же постучал в дверь. Понеслись шаги, хлопки дверьми, и вскоре на пороге появился Леша. С застанным лицом, в рабочих штанах и с голым торсом, большую часть которого занимало добротное пузо, он стоял и внимательно рассматривал соседа.

— Что у тебя с лицом Кузьмич? — спросил он. — Опять выпил?

На сухом морщинистом лице проступали мелкие красные пятна.

— Воры у меня побывали, — отдышавшись, сказал дед Петя, — обокрали меня!

— Какие еще воры?! — возмущенно сказал Леша. — Бывали у тебя уже один раз воры, до сих пор вон один по дому ходит, хвостом виляет.

Леша надел тапки, спустился во двор и принялся загонять кур и уток в сарай.

— А куда тогда моя кастрюля пропала, раз не воры?

— Какая еще, к черту, кастрюля?! — донеслось из сарая.

— Ну большая такая, двадцатилитровая, я ее в кладовке внизу хранил. А сегодня посмотрел — нету. Воры побывали, говорю же!

Леша вышел из сарая и, облокотившись одной рукой на дверь, начал:

— Кузьмич, вот как ты достал уже, а! Скажи ты мне, зачем тебе эта кастрюля сдалась?! Ты что в ней делать собрался?

Дед Петя только успел открыть рот, как Леша продолжил:

— Шура отдала твою кастрюлю Кате.

— Как Кате?! — оторопел дед Петя. — Ну я ей щас покажу.

Дед Петя подорвался и заспешил к выходу, бормоча что-то себе под нос. Леша только развел руками и зашел обратно в сарай.

Так же быстро, как уходил, дед Петя вернулся домой. Взял телефон со стола, нажал на единицу и стал ждать. Послышались гудки и после — женский голос:

— Алло?

— Шура!

— Да, пап, что-то случилось?

— Зачем ты отдала мою кастрюлю Кате?

Молчание.

— Ну, чего молчишь?

— Пап, — тяжело вздохнула дочь, — ну вот как тебе не стыдно, скажи мне. Ты живешь один, тебе эта кастрюля не нужна.

Никита Сергеевич Свикуль родился в 1998 году в Брянске. Окончил ФГБОУ ВО «СГМУ» по специальности врач-педиатр. Участник 22-го форума молодых писателей «Липки». Участник творческой мастерской от АСПИ в Смоленске. Рассказы опубликованы в журналах «День литературы», «Нижний Новгород». Живет в Смоленске.

— Но она же моя!
— Я отдала ее Кате, ей нужнее. У нее хозяйство большое, поросенок. Ей пригодится, а тебе она на что сдалась?

Не дождавшись ответа, она продолжила:

— Постыдился бы. Катя за тобой ухаживает. В магазин ходит, по счетам платит, убирается, готовит, присматривает за тобой. А ты... кастрюля тебе понадобилась... Переполошил весь поселок, как всегда.

Дед Петя долго молчал.

— Алло.

Молчание.

— Папа?

— Да, я что-то переборщил.

— Ладно, ничего. Я ей позвоню. Как твоя рука сегодня?

Дед Петя сжал и разжал кисть.

— Вроде получше.

— Ну разрабатывай, разрабатывай.

— Хорошо.

— Пап, осталось немного. Скоро найдутся покупатели, и я заберу тебя. До зимы точно будешь в Москве.

— Может, до нового года оставим? Я еще ничего.

— Прошу, не начинай по новой. Лучше скажи, тебе всего там хватает?

— Да, спасибо.

— Смотри не пей, даже ни капли. Катя будет следить.

— Хорошо.

— Ладно, давай, Пап, пойду щас позвоню Кате.

— Пока.

Дед Петя положил телефон и просидел где-то с полчаса, просто глядя в окно. День таял. Небо покрывалось легкой розовой пудрой. По кольям забора акробатически перебирал лапами кот. Леша поливал из шланга грядки.

— Да уж, — вслух сказал дед Петя, взял из холодильника шоколадку и вышел из дома.

Уже никуда не спеша, как самый прилежный старик, он пошел в сторону Катиного дома. Катя увидела его из-за поворота и уже шла навстречу.

— Кузьмич, ты чего? Мне Шура уже позвонила.

— Да я вот как-то сам решил прийти извиниться, — сказал дед Петя и достал из кармана шоколадку.

— Не надо мне тут твои шоколадки, пошли в дом, — ответила Катя, взяв его под руку. — Пошли, пошли, что ты еле идешь?

Когда на столе стояли две дымящиеся кружки, а кухню освещала янтарно-желтым светом лампочка, за окном совсем стемнело. Бились о стекло редкие мошки, подвывал от тоски Катин пес.

— Ну а с хозяйством как? — спросил дед Петя, показав на свою кастрюлю, стоявшую на плите.

— Кастрюлька хороша, в самый раз.

Катя приподняла крышку, и из кастрюли поднялось облако пара.

— Это Ваське моему, пусть остывает.

— Ваське?

— Да, поросенку.

— Сто лет у меня без дела пролежала, — виновато сказал дед Петя. — Ты уж прости меня.

Катя отмахнулась.

- Тебе-то всего пока хватает? В магазин не надо?
— Да, Шура много тогда на юбилей привезла.
Катя расплылась в улыбке.
— Кузьмич, ну какой юбилей! Тебе восемьдесят девять исполнилось. В следующем году юбилей у тебя!
— Не-ет, — ухмыльнулся дед Петя, — в моем возрасте каждый год — юбилей!

РАЗ В ГОД (Новогодний рассказ)

Илья, выпускник педиатрического факультета, шел поздравлять бабушку неохотно. Раз в год он получал от мамы подарочный пакет и смиренно шагал дворами через весь район. На этот раз содержимое пакета было еще скромнее, чем год назад: коробка конфет и... шоколадка. Илье даже стало как-то не по себе. Он забежал в магазин через дорогу и докупил коробку чая.

На улице было серо. Снег, накопившийся за выходные по бокам дорог, растекался по улицам. Под ногами хлюпало.

— Внук! — крикнул в домофон Илья.

— Внук? — удивленно переспросили. — Ах Ильюша, проходи.

В квартире его встретила маленькая, худая, с редкими седыми волосами бабушка.

— Ильюша, — начала она, — какой же ты большой стал! Раздевайся, проходи.

— Бабушка, — Илья протянул ей пакет, — это тебе от всех нас. С наступающим!

Бабушка улыбнулась и поставила пакет на стул.

— Прходи, не разувайся.

Илья даже не стал спорить и прошел в мокрых ботинках в комнату.

С каждым годом комната становилась меньше. Некоторые предметы уменьшались или исчезали, а другие — такие, как стол, полный лекарств, или диван, заваленный подушками, — становились больше, занимая почти все место в комнате.

Илья провалился в диван.

От всего пахло сухой застоявшейся пылью и корвалолом.

— Лариса, — донеслось из кухни.

— Ну чего тебе? — крикнула бабушка.

— Дай мне с Ильей поговорить.

В комнату зашел высокий, тощий старик.

— Здравствуйте, Андрей Афанасьевич.

— Говори громче, — сказала бабушка, — он совсем слышать перестал.

Илья сказал громче.

— А, привет, привет.

Говорил Андрей Афанасьевич хрипло, тяжело, словно в гортани ему что-то мешало. В руках он держал грязную ложку.

— Ты, — он поперхнулся, — прочел брошюру, которую я тебе в прошлый раз давал?

— Дай ты мне с внуком поговорить! — перебила его бабушка. — Мой внук, не твой.

На стене, рядом со шкафом, висел знакомый Илье портрет. На нем был изображен мужчина, похожий чем-то на лысого Блока. Это, насколько помнил Илья, был отец бабушки.

— Щас я с ним немного поговорю, — хрипел Андрей Афанасьевич, — а потом ты будешь болтать, сколько захочешь.

Илья вспомнил, что год назад было ровно наоборот: сначала с ним разговаривала бабушка, а только потом Андрей Афанасьевич.

— Иди на кухню, дай нам об умных вещах поговорить. Нечего тебе такое слушать.

— Дурак старый, — тихо сказала бабушка, взяла у него из рук ложку и вышла из комнаты.

— То, что мы с тобой читаем, — сказал Андрей Афанасьевич, показав на стопку книг на полу, — им, — он затряс пальцем, — никогда не понять!

Лысый Блок смотрел со стены взглядом, полным возмущения.

— Ну так что, читал ты брошюру, что я тебе давал?

Илья припомнил, что год назад Андрей Афанасьевич дал ему тоненькую книжку с изображением каких-то индийских людей в золотых украшениях. Он тогда повертел ее в руках и тут же, пока Андрей Афанасьевич не видел, незаметно засунул между книжками на полу. Илья присмотрелся и нашел уголок этой брошюры, торчащий там же, между книг, где он ее и оставил.

— Да, конечно, прочел, — соврал Илья.

— И что ты понял?

— Ну, это было интересно, — начал импровизировать Илья. — Я, конечно, не сторонник всего этого, — он окинул взглядом комнату, — но для общего развития было полезно прочесть.

— Во-от! — обрадовался Андрей Афанасьевич. — Для общего развития! Как же мы мало знаем о нашем мире, а то, что находится за его пределами, а?

Илья посмотрел под ноги. Снег на ботинках растаял, и на ковре вырисовывалось темное пятно.

— Нам нужно вырваться из круга перерождений и оказаться в Голоке, понимаешь? Мы не знаем, кем мы были в прошлой жизни. Коровай, там, или червяком, букашкой или человеком, это не важно. Важно то, что если мы до сих пор здесь, значит, в прошлой жизни мы что-то сделали не так и были наказаны.

Илья попытался представить себя коровой, которая в своей жизни где-то свернула не туда.

— У тебя, — Андрей Афанасьевич показал пальцем на Илью, — есть все шансы закончить свое путешествие на земле в этой жизни!

Так продолжалось еще достаточно долго. Андрей Афанасьевич восторженно, надрывая связки, говорил о земном перерождении и прочих сопутствующих вещах, а Илья, как и любой порядочный человек, терпеливо ждал, пока собеседник закончит говорить. Через какое-то время Андрей Афанасьевич начал приподниматься, качаться из стороны в сторону, подводить разговор к логичному концу, но потом вновь цеплялся за край своих сухих мыслей и хриплым голосом продолжал:

— И все наши привычки, страсти, поведение, — он раскинул руки, насколько мог, — все это... из прошлых жизней. Мы их не помним, но след они оставляют.

Илья чуть не засмеялся, представив себя опять коровой, полной страстей.

— Давай уже заканчивай, — крикнула бабушка, войдя в комнату, — тебе еще на рынок идти!

— Да, Лариса, сейчас, — отрезал Андрей Афанасьевич. — Я просто хочу, — обратился он к Илье, — чтобы ты знал и понимал, что мы не просто так живем на земле и что все это, — он опять раскинул руки, — есть великий замысел Кришны.

Илья кивнул и, намекая на завершение беседы, протянул Андрею Афанасьевичу руку.

— Дать тебе что-то почитать? — пожимая руку, спросил он.

— Нет, нет, спасибо. Мне есть что сейчас читать, — ответил Илья.

— И что же ты читаешь?

Илья посмотрел на портрет.

— Блока. Стихи.

— А-а, — одобрительно кивнул Андрей Афанасьевич, — поэзия — это одно из...

— Давай уже, а то рынок закрывается, — перебила его бабушка, направляя к выходу.

Андрей Афанасьевич заторопился, но то и дело останавливался, пытаясь что-то припомнить. Даже поднимал палец вверх, точно сейчас произнесет что-то важное, но, кроме поперхиваний, Илья ничего не услышал.

— Совсем он тебе голову задурил, Ильюша, — шепотом сказала бабушка, присаживаясь рядом.

— Да нет, — смущенно ответил Илья.

В руках бабушка держала картонную вырезку, на которой черным маркером были написаны названия лекарств.

— Сплю я плохо, Ильюша, — начала жаловаться она, — посплю четыре часа, и то хорошо.

Илья читал список лекарств на картонке. Из всего перечня он сумел увидеть только один-единственный препарат, который знал, — атенолол—бета-блокатор. Все остальные лекарства были сплошной гомеопатией со смешными, маркетинговыми названиями. Сухим пальцем бабушка водила по названиям и на каких-то останавливалась, спрашивая:

— А вот это хорошее лекарство?

— Я... я не знаю, я же не взрослый врач... педиатр.

— Ах, ну да, да, — как бы припоминая, сказала бабушка, — ты же с детьми.

— Ну а вот это, — она показала на какую-то то ли, спинулину, то ли сопрулину, — знаешь?

— Нет.

— А мне он так хорошо помогает!

— Это хорошо.

— Аватары же не просто так появляются на земле! — донеслось из прихожей.

В дверях показался в ушанке и потертой зеленой куртке Андрей Афанасьевич.

— Они приходят, чтобы показать нам, как нужно жить, чтобы быть в самом конце вместе с Кришной. Да и то, что сейчас происходит с миром, — он начал перечислять различные катаклизмы, — не просто так! Это наказание нам за нашу бестолковую жизнь!

— Иди уже, — крикнула бабушка, — опоздаешь!

Андрей Афанасьевич одернулся, что-то пробубнил и вышел. Бабушка с облегчением выдохнула, махнула рукой и продолжила:

— Сплю плохо. Бывает, в десять усну, а проснусь в три и хожу до утра.

— Из-за недостатка физической активности организм не успевает уставать, — объяснял Илья, — отсюда такой короткий сон. Все старые люди мало спят.

— Да откуда взять эту активность, Ильюша. Сил нет ни на что. Вот, — она показала на ряд стульев, заваленных одеждой, — вытащила все вещи из шкафа — перебрать. Уже неделю так лежат, руки не доходят.

Илья представил, что когда-нибудь эти стулья оживут и, одетые, сбегут из этой квартиры, тихо перебирая скрипящими ножками.

Бабушка продолжала разговор о лекарствах, и Илью в какой-то момент даже начало это веселить. Он с удовольствием брал со стола бесполезные препараты и вертел их в руках.

— А вот это, — бабушка приободрилась и буквально скакала вокруг стола с лекарствами, — мне Изерская посоветовала.

Илья взял в руки стопку пластинок, перемотанных резинкой, и, не прочитав название, сказал:

— Хорошие, да.

— А вот эти, — говорила бабушка, как бы хвастаясь, — последние в аптеке были. Дорогие-ие, ужас.

— Вон как, — подыгрывал Илья, — неплохо, неплохо.

Вдруг за окном раздалась хлопки. Стекло сквозь узорчатый тюль празднично заиграло красками. Илья подошел к окну. Уже вечернее, темно-синее небо сверкало красными, зелеными и золотыми искрами. Разноцветные огни разлетались в разные стороны, рисуя круги. В парке на деревьях висели золотые гирлянды, а из-за угла был даже виден кусочек елки на центральной площади. Только сейчас Илья вспомнил про Новый год. Мангал с шашлыками во дворе, музыка, дети с хлопучками, шипящий бокал в руках, сладкие мандарины — все это вдруг стало для него таким близким и нужным, что он, как никогда, захотел побыстрее уйти отсюда.

— Я, наверное, пойду уже.

— Конечно, конечно, Ильяша, — залепетала бабушка, держа в руках стопку таблеток.

Хлопки продолжались. Тусклая комната точно одернулась от таких ярких цветов и сжалась еще больше. Илья быстро накинул куртку и уже стоял у порога.

— Возьми, — сказала бабушка, протягивая ему деньги, — подсластишь себе жизнь.

— Спасибо, — ответил Илья и незаметно подсунул купюру под стопку лекарств. — С наступающим.

— Как там мама? — спросила бабушка.

— Да ничего вроде, хорошо.

— Главное, чтобы все здоровы были. Ну ладно, с наступающим вас тоже всех там, передай.

С неба падали крупные хлопья снега и сразу же таяли. На улицах никого уже не было, но повсюду слышались свисты и хлопки, которые, казалось, происходят сами по себе. Вдалеке Илья заметил длинный, тонкий силуэт Андрея Афанасьевича и свернул в арку.

ТАНИН ДЕД

Как-то раз напросился я на рыбалку. До этого я только на мелких озерах в деревне рыбачил, а тут на речку, через лес, на мотоциклах! А я просто в шутку тогда Таниному деду вслед крикнул:

— В следующий раз меня возьмете?

Он ничего не ответил, но вот только вечером зашел к нам в дом и с крестной разговаривал.

Разрешила.

Короче, напросился — получай.

Рано утром солнце еще спало, а я уже нет. Стоял на улице и всматривался в густой туман. На окраине улицы забурлил мотор, и сквозь уличное бельмо показался желтый круг. А за ним еще один, побольше.

Танин дед — крепкий полный мужик — посадил меня на мотоцикл впереди себя и тихо спросил:

— Накопал червей?

— Накопал, — прошептал я.

Мою удочку привязали к другому мотоциклу, где сидело еще три мужика. Я сначала боялся, что меня в коляску посадят, думал, что это специально для детей место. Но нет. Туда залез вполне себе большой дядька. Меня, как я уже сказал, посадил на свой мотоцикл Танин дед. Я взялся за железную — всю в изоленге — трубку руля, прижал ногами пахнувший бензином бак и приготовился. Танин дед внимательно еще раз всех осмотрел, дернул ногой стартер, мотор затрещал, и мы поехали.

Даже не так, мы рванули.

Как маяк на берегу пробивает своим ярким светом морскую глушь, так и фара мотоцикла выпускала луч, рассекающий утренний туман. Мотоцикл быстро набирал скорость и уже всюду мчался по полю. Далеко позади остался крайний на улице дом. От быстрой езды у меня слезились глаза, впереди все расплывалось. Только по свежему сосновому запаху я понял, что мы уже ехали через лес. Среди темно-зеленых елей и высоких сосен было намного холоднее, чем в поле или на деревенской улице. Резко все вокруг стало мокрым и скользким. Скорость была такая, что от страха я лег животом на бензобак и еще сильнее сжал его коленками. Когда мотоцикл прыгал на кочках или ухал под горку, я думал, что вот-вот сорвусь. Руки мои соскальзывали, и я заверял себя, что если не упаду и останусь цел, то больше никогда в жизни не сяду на мотоцикл. Я уже давно не смотрел, куда мы едем: весь сжался и сидел, уткнувшись лбом в крышку бензобака. Мокрая трава шелестела по моим кроссовкам, и они быстро стали насквозь мокрые. Дрожа от холода, я мечтал лишь об одном: забраться на печку, на самый верх, где теплее всего, и просидеть там весь день.

— Уже почти приехали, — услышал я сквозь рев мотора.

Я приподнялся.

Лес заметно поредел. Сквозь деревья блестели первые солнечные лучи. Темная земля под колесами сменилась на желтый песок. Нас встретило широкое зеленое поле, полное горок и извилистых тропинок. Вдали росло одинокое дерево, а за ним извивалась, подобно змее, широкая река. Мы выехали к самой излучине и остановились возле обрыва. Мужики вылезли из мотоцикла и стали ходить по берегу, осматривая. Река была огромная. Вода в ней черная, точно нефть, а от мощного течения закручивались спиралью водовороты. Я всматривался в них и боялся представить, что будет, если сорваться с обрыва и угодить в один из таких. Засосет, не иначе.

На другом берегу вверх уходил холм. Зеленый, крутой, а на его вершине редкие деревенские дома и золотой, переливающийся на солнце купол церкви.

— Ха! — гаркнул один из мужиков. — А ты был прав, Серег. Петрович уже сидит. Во-он, — он показал пальцем, — в кустах притаился, гад.

Я посмотрел в ту сторону, но никого не увидел.

— Конечно, — начал другой, — выехали черт знает во сколько.

— Нормально выехали, — отрезал Танин дед. — Поехали на пляж, там разложимся.

Мы поехали вдоль реки и скоро оказались на песчаном, точно маленькая пустыня, пляже. Вода тут уже не казалась черной, а была привычного темно-желтого цвета: чай с молоком. Из нее рядом с берегом торчали самодельные рогатульки. Водоворотов не было, но течение оставалось быстрым, и в некоторых местах вода пенилась. Противоположный берег был обрывистый, точно срезан. С боков торчали мощные корни. По ним без проблем можно было бы забраться наверх, будто по лестнице.

Мужики оставили за кустами мотоциклы и стали разбирать снасти. Мне вручили мою удочку. Катушка на ней была старая. Барабан заедал и противно хрустел. Леска то и дело соскакивала и путалась.

— Давай подсоблю, — сказал Танин дед и взял мою удочку.

Толстыми — в порезах и мозолях — пальцами он с легкостью распутал мою леску, подкрутил катушку и разложил колено.

— Поплавков сам отрегулируешь.

— Хорошо.

Становилось теплее. Я уже перестал дрожать, но кроссовки, которые были уже все в песке, оставались мокрыми. Вокруг было тихо. Я различил лишь тонкое пение птиц, шелест травы у реки и легкие всплески воды.

И тут мужики начали о чем-то браниться:

— Да с чего бы? — возмущался худой мужик в зеленом камуфляже.

- А позже тогда придете к нам, если тебе так нейдет! — сказал Танин дед.
- Быстро вы все решили! Удобно меня крайним сделать, конечно.
- Не возникай, — сказал другой мужик.
- Конечно, не возникай. Всю рыбалку испоганили. Спасибо, сосед!
- Все, переставай, мы только время теряем.
- Не говори мне тут про потерянное время!

Танин дед подошел ко мне.

- Мы пойдем в другое место. Побудешь здесь с дядей Сережей?
- Это который?
- А вот он, — Танин дед показал мне на того, кто возмутился.
- Хорошо.

Он взъерошил мне волосы и протянул из кармана конфету. Она была сплюснутая, и из обертки торчал треснутый шоколадный бок.

- Налови тут как следует.

Танин дед уехал с двумя другими мужиками, а я остался с дядей Сережей.

Солнце уже поднялось над берегом и светило на пляж. Река текла слишком быстро, и это было единственное, что меня беспокоило. Мучительная поездка по лесу казалась уже совсем нестрашной.

«Когда будем ехать обратно — всю дорогу буду смотреть вперед!» — решил я и закинул удочку.

Поплавок нырнул под воду. Я достал удочку и уменьшил глубину. Поплавок показался, но его тут же стало уносить течением. Я перекинул в другое место, но бесполезно.

- Поплавок что-то сносит, — пожаловался я дяде Сереже.

Дядя Сережа, не обращая на меня внимания, сидел на портфеле и курил.

Я закинул удочку еще раз. Поплавок вынырнул и опять плавно поплыл по течению. Я был озадачен. До этого я рыбачил только на мелких озерах и с течением не сталкивался. Закинув еще раз, я решил пойти по берегу параллельно плывущему по воде поплавку. Он медленно двигался по течению, то исчезая, то показываясь. Я шурился и пытался разглядеть хоть какую-то поклевку.

- Поплавок сносит, дядь Сереж, — повторил я.
- Груза мало, — холодно ответил он.
- А вы чего не рыбачите? — спросил я.

Он не ответил.

Я продолжил закидывать и идти за поплавком. Когда его уносило за кусты, я доставал удочку и начинал по новой.

И вот, кажется, случилась поклевка: поплавок нырнул под воду и поплыл против течения.

- Дядь Сереж, у меня, кажется, клюет! — восторженно крикнул я.
- Ну тыни, раз клюет, — раздраженно ответил он.

Я потянул. Кончик удочки согнулся, и на конце почувствовалось что-то тяжелое. Леска завибрировала, и из воды показалась рыба. Тут же соскочила и упала на песок. Я бросил удочку и подбежал. На песке трепыхалась незнакомая мне до этого рыба. Тело ее было тонкое и длинное, чешуя ярко серебрилась на солнце. Размером она была чуть меньше моей ладони. Я показал ее дяде Сереже.

- Что это за рыба такая? — спросил я.

Дядя Сережа безынтересно взглянул на нее и ничего не ответил.

- Тоже не знаете?

Он раздраженно взглянул на меня, поднялся и стал разбирать свою удочку. Я продолжил закидывать и ходить вдоль берега.

Когда дядя Сережа забросил снасть, то я удивился, увидев его поплавок замершим на воде. Река текла, а поплавок стоял неподвижно.

— Как это у вас так? — удивленно спросил я.

— Вот так, — холодно ответил он.

— Грузила, значит, много?

— Рыбу ловят молча! — строго сказал он.

Больше я у него ничего не спрашивал. Ходил вдоль берега с удочкой и следил за поклевкой. А поплавок дяди Сережи продолжал стоять, как стоит солдат на плацу: ровно, не шелохнувшись. Мне вскоре надоело ходить туда-сюда с удочкой, и я просто стоял с натянутой леской и тонущим от течения поплавком. У дяди Сережи, к моему удивлению, не клевало. Он закидывал удочку в разные места, много раз проверял наживку, подолгу выжидал, и ничего. Со мной он не разговаривал. Только курил и бормотал что-то себе под нос. А потом и вовсе сложил удочку, водрузил на плечи портфель и, выругавшись, исчез за кустами.

Я испугался и стал собираться следом. Убрал червя и начал мотать леску. Катушку вновь заело, и леска вокруг нее перекрутилась и запуталась. Получилась — как называют это рыбаки — «борода». Дергал я эту «бороду», пытался распутать, и никак. Решил оторвать леску и, натягивая ее, сломал еще и поплавок. Такая снасть была уже непригодна, и я, закопав в песке леску с поплавком, сложил пустую удочку и побежал скорей догонять дядю Сережу.

Он шел уже вдалеке. Я бежал за ним в своих — полных песка — кроссовках и не мог догнать. Во рту был привкус крови, ноги кололо и тянуло вниз. Ветер дул прямо на меня, и мне казалось, что я бегу на месте.

«Оказаться бы сейчас на мотоцикле», — думал я.

Я пошел пешком и старался отдышаться. На глаза наворачивались слезы, и впереди все расплывалось. Дядю Сережу я уже не видел и оттого снова рванул изо всех сил. В боку резко закололо. Я готов был уже остановиться и разреветься что есть сил, но почему-то продолжал бежать.

Вдруг я услышал громкий смех. Он доносился из-за кустов, ближе к реке. Там же я увидел несколько торчащих удочек и стоявшие рядом мотоциклы. За кустами сидели мужики с Таниным дедом и дядя Сережа.

— А я знаешь ему что?! — ликовал один из мужиков. — Я ему сразу в рынду!

Мужики рассмеялись и увидели меня.

— А вот и рыбак вернулся, — сказал один.

— Поймал чего? — спросил Танин дед.

Я вспомнил про забытую на пляже рыбу.

От мужиков пахло кислым. На пеньке стояли бутылка с рюмками и закуска. Рядом в ведре плескалась рыба, а в воде неподвижно торчали поплавки.

— Ну, за рыбалку! — сказал Танин дед.

Они стукнулись и выпили. Танин дед поморщился, съел помидор и пошел к удочкам.

— Давай сюда, — махнул он.

Я подошел и сел рядом. Ноги у меня тряслись, а под ребрами еще кололо.

— Замученный ты какой-то. Бежал, что ли?

— Ага.

— Ну ничего, смотри, — начал Танин дед, — рыбешка любит погреться в корягах. Вот, — он показал пальцем на бревно в кустах. — Только аккуратно нужно закидывать, чтобы не зацепиться. И клев обеспечен, мотай на ус.

Вокруг было сыро и темно. Вода возле берега стояла неподвижно, как в озере, а чуть дальше — к середине — снова стремилась по течению и закручивалась в водовороты. Поплавки стояли ровно, отражаясь в воде.

На противоположном берегу сидел какой-то рыбак в огромных — до бедер — сапогах и москитной шляпой.

— Давай еще по одной! — горячился дядя Сережа.

Мужики засуетились.

— А как сделать так, чтобы поплавок течением не сносило? — спросил я Таниного деда.

— Это просто. На каждом поплавке написано, сколько граммов грузила нужно навесить на него. Примерно столько и вешай, ну и вози с собой на всякий, скорректировать.

— И вот еще, — продолжал Танин дед и открыл коробку с червями. — Червяка лучше от земли и грязи не отмывай. В воде такой червь будет гораздо интереснее рыбе из-за мути вокруг.

Танин дед достал из воды удочку и дал мне.

— Давай поменяй-ка наживку.

Я вытянул из банки грязного — в земле — червяка и аккуратно насадил его на крючок.

— Закидывай, не бойся, — сказал Танин дед.

Удочка была гораздо легче, но при этом длиннее моей. Я натянул леску и взмахнул. Поплавок по пузо окунулся в воду и замер.

Танин дед сунул руку в карман и кинул к поплавку несколько желтых шариков. Вода всплеснулась, и к берегу пошла легкая рябь.

— Это прикормка. Из гороха и пшена, я тебя потом научу.

Когда вода стихла, поплавок дернулся, точно по нему шелкнули пальцем. Затем еще раз.

— Жди, жди, — сказал Танин дед, — пробует.

Поплавок покосился и отрывисто пошел в сторону.

— Ух! Тяни! — вскочил Танин дед, поддерживая мне удочку.

И вот я держал в руках рыбину, которую знал как свои пять пальцев. Карась. Раздувая жабры и болтая хвостом, пытался он выскочить из моих рук.

— Хороший, граммов на сто пятьдесят будет, — подтвердил Танин дед.

Я опустил карася в садок к другим рыбам и продолжил следить за поплавками. Рыбак на противоположном берегу тоже что-то поймал.

— Ну что, давайте крайнюю, за улов, так сказать, — подзывал дядя Сережа. — Антох, начисли нам по пятьдесят.

— Давайте, а то пора и честь знать.

Мужики выпили.

Дядя Сережа сел на траву, закурил и протянул:

— Хорош-о-о.

Стали потихоньку собираться. Рыбы было два ведра и садок. Мужики раздобрили и говорили мне:

— Рыбак! На смену нам будешь!

Они собрали удочки и покидали сумки на мотоциклы.

— Эй! Петрович! — заорал через всю реку дядя Сережа. — Мы погнали! Бывай!

Рыбак в москитной шляпе помахал рукой.

Мужики на мотоцикле с коляской рванули вперед. А мы с Таниным дедом двинулись следом.

На обратном пути в лесу было светло. Всю дорогу я, щурясь, смотрел вперед. Мы прыгали по кочкам, круто забирались в горку и ехали, кажется, даже еще быстрее, но мне не было страшно, и я лишь хотел, чтобы лес не заканчивался.

Но он закончился. Лесная дорога превратилась в полевую, а полевая — в деревенскую улицу.

Когда мы приехали, Танин дед высадил меня и отдал ведро с рыбой.

— Держи, рыбак, — сказал он, — ну и наловил же ты сегодня! Молодец!

Я стоял в недоумении.

— Чего встал? Бери свою рыбу, ты ж наловил.

В ведре, помимо прочей рыбы, теснился и мой карась.

— Спасибо.

— Бывай, рыбак.

Я, конечно, рассказал крестной, что остальную рыбу мне дал Танин дед, но вот когда на крыльце оказалась Таня и стала расспрашивать про улов, я вынес ей ведро и стал хвалиться.

— Вот это да! Вот это ты наловил рыбы! — удивлялась Таня. — А мой дед как обычно. Ни-че-го!

ЭКЗАМЕН

Экзамен по гистологии подходил к концу. Недавно переполненная студентами аудитория опустела. Дышать стало легче. Галина Григорьевна застегнула свой халат и продолжила подписывать ведомости. Вера Степановна, сидевшая рядом, спрашивала:

— Коленька, ты говоришь, и говоришь правильно, соединительная ткань действительно делится на клетки и межклеточное вещество. Так какие же клетки в нее входят?

Вера Степановна — да простит меня Галина Григорьевна, что я начинаю не с нее — женщина высокая и статная. Несмотря на свой пожилой возраст, она следит за своей внешностью и нисколько не стесняется своих длинных седых волос. Ее добрый, нежный голос всегда успокаивал студентов и давал надежду даже самым беспросветным и недалеким. Галина Григорьевна — заведующая кафедрой — может, и хотела бы быть помягче, но ей казалось, что уже слишком поздно что-то менять. Да и разве заведующая может себе позволить подобные послабления? Она была небольшого роста и слегка полненькая. За кафедрой Галина Григорьевна всегда стояла на небольшом стульчике.

— Ну так что, Коленька? — ласково переспросила Вера Степановна.

Напротив экзаменаторов сидел раскрасневшийся студент. Он хотел было что-то сказать, но замялся и уткнулся лицом в свой листок, пытаясь там что-то найти. Но, признаться, искать там было нечего: листок был пуст.

— Мы закончим сегодня когда-нибудь или нет? — измученно спросила Галина Григорьевна.

Вера Степановна в ответ лишь улыбнулась.

— Так, молодой человек, — строго начала заведующая, — давайте четко, по пунктам, как в методичке.

Студент со спасительной надеждой посмотрел назад, но там ему никто не мог помочь. Он был последним отвечающим.

— Ну-у, — начал он, — клетки соединительной ткани подразделяются на...

— Так какие клетки синтезируют компоненты межклеточного вещества соединительной ткани? — спросила Галина Григорьевна.

Вера Степановна с надеждой смотрела на студента и еле сдерживалась, чтобы не ответить самой.

— Макрофаги, — ответил студент, вспомнив знакомое слово.

— Пф-ф, — всплеснула руками заведующая, — ну это уже просто смешно! Макрофаги! За синтез протеогликанов, оказывается, отвечают макрофаги, Вера Степановна, представляете?!

Она бросила очки на стол и устало посмотрела в окно.

На улице был ясный солнечный день. Такой день чаще всего бывает где-то в середине июня. Прохожие в легкой одежде, блики солнечных лучей на автомобилях, гремящие по рельсам трамваи с открытыми форточками — все за окном было так, как и должно быть за любым приличным окном где-то в середине июня.

— Этот вопрос вы не знаете, следующий, — холодно, продолжая смотреть в окно, сказала заведующая.

Студент весь обмяк и готов был уже просто молчать, лишь бы это все быстрее закончилось.

— Давай, Коленька, какой следующий вопрос? — спросила Вера Степановна и взяла билет. — Средний отдел пищеварительной системы. Общая морфофункциональная характеристика. Отлично, тут все просто. Давай начнем с того, что там происходит.

— Ну-у... переваривание пищи.

— Химическая обработка, — шепнула Вера Степановна.

— Химическая обработка пищи, — подхватил студент.

— Вера Степановна, я попрошу вас, — сделала замечание Галина Григорьевна, — пусть молодой человек сам отвечает. Пожалуйста, из чего состоит стенка кишечника?

Ответ на этот вопрос студент не знал и всем видом пытался показать это Вере Степановне. Она в свою очередь, беззвучно шевеля губами, как могла, подсказывала.

— Слизистая оболочка, собственная пластинка, — аккуратно перечислял студент.

Вера Степановна одобрительно кивала и продолжала подсказывать.

— Дальше, дальше! — гремела Галина Григорьевна. — Характеристику, функции!

Студент вздрогнул и весь сжался.

— Галина Григорьевна, это я вас попрошу, — возмущенно сказала Вера Степановна. — Вы Коленьке слова не даете вставить! Продолжай, не бойся.

— Стенка среднего отдела, — робко продолжил студент, — еще представлена...

— Мезотелием, — прошептала Вера Степановна.

— Пезантелием, — ответил студент.

— Вера Степановна, еще одно замечание, и я, как заведующая, буду вынуждена попросить вас выйти.

— Чтоб вы тут вконец замучили бедного мальчика?

Студент изо всех сил старался изобразить мученика.

— У нас с вами разные взгляды на контроль обучения, — подметила заведующая. — Молодой человек, прошу, продолжайте. Перечисляйте функции собственной пластинки слизистой оболочки.

Студент даже примерно не мог представить, что ему говорить. Вера Степановна аккуратно, вверх ногами, написала на листке: «Антитоксическая».

— Антитоксическая, потом... еще...

Вера Степановна продолжала писать.

— Молодой человек, не задерживайте нас и себя. Если не знаете — дверь открыта.

— Галина Григорьевна, он волнуется, дайте ему сосредоточиться. Вы что, себя студенткой не помните?

— О-о-о, отлично помню! Выпуск семьдесят четвертого! Красный диплом! Медали! Активистка академии! — отчеканила заведующая.

— Ага, а четверок в этом красном больше, чем у меня, — ответила Вера Степановна. Заведующая вспыхнула и встала из-за стола.

— Зато у меня отродясь троек не было, чего не скажешь о вас!

— У меня-то одна, и то по физике, — сказала Вера Степановна, тоже встав из-за стола.

— Может, поэтому я заведующая, а вы, Вера Степановна, просто доцент.

Студент оторопел, но вовремя опомнился и, решив воспользоваться моментом, достал телефон и чуть ли не весь целиком залез в экран.

Экзаменаторы тем временем продолжали:

— Как методички меня просить обновлять, так вы первая, а как лекционный материал мне сбросить, так вас днем с огнем не сыщешь.

— Про лекции у меня с вами отдельный разговор!

— Конечно-о. Еще бы!

— Кто вам сказал, что коллаген третьего типа входит в состав волокон базальных мембран?! Где вы нашли эту информацию?

— Нет у меня в лекциях подобного!

— А, то есть я, по-вашему, это выдумала сейчас, да?

Студент судорожно исписывал лист. Источники развития, строение слизистой, покровный эпителий, отделы желудка, возрастные особенности, кровоснабжение. Он не знал, за что хвататься, и строчил все подряд. Перед его глазами мелькали черные буквы, которые он, едва заметив, подхватывал и лепил к себе на листок. И только где-то вдалеке он слышал:

— А по средам? Разве в эти дни вы со студентами занимаетесь? Не дурите мне голову, с ними сидит лаборант, вас прикрывает!

— А где мои обещанные полторы ставки, а? Скажите?!

Экзаменаторы, точно дуэлянты, сошлись в центре аудитории и встали друг против друга.

— У Екатерины Олеговны, значит, есть свободные окна, а у меня, с таким же графиком, нет?!

— А вы на других не смотрите! Я с вас спрашиваю.

— Я тридцать пять лет проработала под вашим руководством, и, знаете, я больше уже не могу!

— Не можете? Не надо!

— Не хочу! Бедные студенты!

Вера Степановна развернулась и вышла из аудитории, хлопнув дверью. Галина Григорьевна стояла посреди аудитории и тяжело дышала.

Придя в себя, она вернулась за стол и продолжила экзамен как ни в чем не бывало. Студент успел спрятать телефон в карман и сделать вид, будто думал над чем-то очень серьезным и умным. О структуре высокопризматического покровно-железистого эпителия или о чем-то подобном.

— Прошу меня извинить, — начала Галина Григорьевна, — на чем мы остановились?

Студент положил на стол небрежно исписанный с двух сторон лист и с облегчением выдохнул. Он чувствовал себя спокойно, точно экзамен уже закончен. Так обычно чувствует себя врач, покидающий стены больницы после дежурства.

— На функциях собственной пластинки, — ответил он.

— Пожалуйста.

— Кроме антитоксической, гранулоциты и лимфоциты, содержащиеся в собственной пластинке, обеспечивают и антибактериальную функцию. Также они участвуют в лейкопидезе.

— Так, дальше, давайте про желудок.

Студент забегал глазами по листу и стал отвечать. Галина Григорьевна одобрительно кивала и продолжала спрашивать. Студент хоть и с трудом разбирал свой почерк, но отвечал.

— И последний вопрос, — сказала Галина Григорьевна. — Кровоснабжение.

— От чревного ствола, — ответил студент. — Через правую и левую желудочные артерии.

— Хорошо. Вы меня, конечно, извините, но это только три, и то с натяжкой.

— Да, конечно, — просиял студент.

— Давайте зачетку.

Галина Григорьевна взяла зачетку и вывела в ней еще одну тройку. Студент в мгновение ока оказался за дверью.

Через некоторое время в аудиторию зашла Вера Степановна.

— Ну что, Галя, мы закончили?

— Закончили, — устало ответила заведующая.

— А я думала, что уже не додумается списать, ну хоть на что-то способен.

— Да, но грустно это все равно, конечно.

— Ну а что мы можем поделать?

— Вер, как что? Двоек налепить.

— А тебе так сильно хочется перед деканатом отвечать? Такие все равно врачами не станут. Третий курс даже не переживут.

— Тоже верно.

— Какая им патологическая анатомия с патфизой, когда они ацинус с нефроном путают.

Экзаменаторы сняли халаты, повесив их на плечики в шкафу, собрали ведомости за экзамен, закрыли аудиторию и ушли.

А на улице начался грибной дождь. Светило солнце, на горизонте показалась радуга, блестел асфальт. Тоже довольно знакомая картина для середины июня.